

Михаил Кликин

Чёрный кобель Жук

Деревенские истории

Михаил Кликин

Чёрный кобель Жук

«Автор»

2008

Кликин М.

Чёрный кобель Жук / М. Кликин — «Автор»,
2008 — (Деревенские истории)

«Фёдор Иванович плел себе гроб. Он любил сообщать это новым людям, коих в Оленине появлялось немного, – и веселился по-детски, видя их недоверие. – Сам, вот этими вот руками! – Он показывал заскорузлые ладони. – Из ивовой лозы, вымоченной, обшкуренной – всё как положено. Точно, как отец меня учил. Как дед. Мы, Фомичёвы, испокон веку лозу плели. Всё, что есть у нас, – всё из лозы сделано. Совершенно всё!..»

© Кликин М., 2008

© Автор, 2008

Михаил Кликин

Чёрный кобель Жук

Фёдор Иванович плел себе гроб.

Он любил сообщать это новым людям, коих в Оленине появлялось немного, — и веселился по-детски, видя их недоверие.

— Сам, вот этими вот руками! — Он показывал заскорузлые ладони. — Из ивовой лозы, вымоченной, обшкуренной — всё как положено. Точно, как отец меня учил. Как дед. Мы, Фомичёвы, испокон веку лозу плели. Всё, что есть у нас, — всё из лозы сделано. Совершенно всё!..

Хозяйство у Фёдора Ивановича было самое обыкновенное: бревенчатая изба, поверх старой дранки крытая волнистым, замшелым уже шифером; покосившийся двор с сеновалом и тремя стайками; белёная треснувшая печка, скрипучий диван с неудобно выпирающими пружинами, дубовый, обитый клеенкой стол, черно-белый телевизор «Горизонт», завешанный пыльной салфеткой, засиженное мухами зеркало, да набор стеклянных потёртых рюмок.

— Прямо вот всё? — не верили чужаки.

— Всё! — яростно кивал Фёдор Иванович. — Даже памятники на могилках — и те из лозы. А я вот теперь гроб плету. Для себя. Пора уж...

Если сомневающийся собеседник просил показать ему этот самый гроб, Фёдор Иванович хитро шурился, скалил редкие желтые зубы и приглашал гостя в дом. Посреди просторной комнаты, заваленной корзинами, пучками ивовых прутьев и грудями ошкурков, хозяин вставал в театральную позу, разводил руками и говорил:

— Вот!

Пока гость осматривался, пытаясь выглядеть хоть что-то, отдаленно напоминающее гроб, Фёдор Иванович с удовольствием растолковывал:

— Мы, Фомичёвы, испокон веку плетением на жизнь зарабатывали. В бывалошное время за зиму столько корзин делали, что на трех возах увести не могли. И лари плели — сундуки целые, и шкатулки, и подносы, и вазы. А уж сколько двудушек колхозу сдали — не пересчитать! Всё, что здесь есть — всё на доходы от плетения приобретено. Только тем всегда и жили. Вся семья, все предки. Я-то, был грех, ушел по молодости от семейного дела, да вот, жизнь опять всё по местам расставила. Всяк сверчок знай свой шесток. — Фёдор Иванович кивал головой, соглашаясь со старой народной мудростью, и добро улыбался, потирая большие кургузые ладони.

Пенсия у него была маленькая — едва на еду хватало. Потому плетение корзин, лукошек, коробов, шкатулок, а так же игрушечных лапоточков да непрочных соломенных шляп было для него ощутимым денежным подспорьем. Продажей своих изделий Фёдор Иванович не занимался — сдавал всё оптом Володьке Топорову из соседнего Мосейцева, а уж тот развозил товар по рынкам: в пятницу торговал в райцентре, на выходные отправлялся в город, а в среду ехал в соседнюю область, к музею-монастырю, куда как раз в этот день привозили в огромных автобусах-аквариумах иностранные экскурсии.

— Почем хоть продаешь-то, Володька, иностранцам работу мою?

— Не я продаю. Жена.

— Так, чай, знаешь цену-то?

— Знаю. Только тебе, дядя Фёдор, не скажу. А то сон потеряешь.

— Так, ведь, и так не сплю.

— Значит, еще и есть перестанешь...

Иногда Фёдор Иванович, устав от монотонной работы, на несколько дней откладывал лозу и с душой мастерил из соломы и тряпок неказистое чучелко. Наряжал его в холстину, из бобов делал глаза, из жёлудя или лесного ореха — нос, на голову нахлобучивал соломенную

шляпу, клеивал в мочальные руки сноп пшеницы или овса, обувал короткие ножки в берестяные лапоточки. Чучел этих Володька называл «домовёнками», говорил, что они хорошо продаются и просил дядю Фёдора делать таких побольше. Но тот отказывался – уж больно муторное было дело, затратное. Корзинки плелись куда легче и быстрее.

Большую часть заработанных денег Фёдор Иванович складывал в старый глиняный горшок, в котором когда-то жена его хранила сметану.

– На похороны на свои зарабатываю, – весело признавался Фёдор Иванович гостю, не показывая, впрочем, заветной кубышки. – Вот оно и получается, что гроб я себе плету. Из лозы. Вот этими вот руками...

* * *

Чёрный пес появился у Фёдора Ивановича осенью, в пору, когда тихое бабье лето только сменилось хмурыми октябрьскими дождями.

– В лесу подобрал, – рассказывал Фёдор Иванович зашедшему в гости соседу. – Около дороги, где поворот на Тимофеевское был. К дереву его цепью привязали – видно, чтоб назад на прибежал... Вон, гляди, всю шею изодрал, когда с цепи рвался... Ах, ну что за люди такие!..

Пёс был плох. Он лежал возле печи на старой фуфайке; тощие ободранные бока его тяжело ходили, мутные глаза слезились, а из пасти текла вязкая, будто слизь, слюна.

– Ну как бешеный? – сосед опасливо косился на собаку.

– Да нет! – отмахивался Фёдор Иванович. – Бешеные воды боятся. А этот – нет. Пьет за милу душу.

– Здоровый какой.

– Большой, да. Породистый, наверно.

– Куда он тебе, Фёдор?

– Так ведь не оставлять же в лесу...

Пёс болел долго. До самого снега выхаживал его Фёдор Иванович, человеческими лекарствами пичкал, молоком отпаивал, кашами да макаронами откармливал – себе так никогда не готовил, как этому псу.

– Оклемается, будет мое хозяйство сторожить.

– Да что у тебя сторожить-то?

– А вон хоть телевизор, – смеялся Фёдор Иванович, а сам о горшке с деньгами думал. – Да и не так скучно будет с животинкой-то... Ты гляди, гляди на него. Мы говорим, а он ушами шевелит – прислушивается. Понимает, что про него. Ай да жук!

Так и привязалась к собаке новая кличка.

* * *

Крепко сдружились Фёдор Иванович с кобелем-найденным. Всюду вместе ходили, как привязанные – за водой ли, за дровами, в гости ли к кому. Но не все пускали в дом здорового пса. Бабка Тамара, что жила напротив, и вовсе собаку невзлюбила, ворчала при встрече:

– Экий чёрт поселился под боком!

Жук, чуя ее недовольство, поджимал хвост, прятался за хозяина.

– Не обижай животину, Тамара, – сердился Фёдор Иванович.

– Гляди лучше, как бы нас твоя животина не обидела...

Впрочем, прошло не так много времени, и бабка Тамара к собаке подобрела. Случилось это после того, как Жук поймал на хозяйском дворе лисицу, что душила кур во всей деревне.

– Экий чертяка! – строго говорила теперь соседка, встретив Фёдора Ивановича с верным четвероногим спутником, и лезла в карман за лимонной карамелькой. Пёс конфеты не любил,

но сладкие подношения бабки Тамары принимал – и хрумкал, пуская слюну на снег, и с осторожной благодарностью поглядывал на суровую старуху.

В январе месяце Жук поймал разбойничающего хорька.

В начале февраля разорил гнездо ласки.

А уж сколько крыс передушил – нечитано!

К Фёдору Ивановичу зачастили гости с одной только просьбой:

– Ты Жука своего пустил бы к нам во двор на ночку. А то крыс нынче – страх Божий сколько...

В тихие лунные ночи, до треска морозные, в далеком лесу раздавался вой. Спящий возле печи Жук, заслышав отголоски леденящих волчьих песен, поднимал тяжелую голову, настораживал уши, скалил клыки и тихо ворчал. Шерсть на его загривке вставала дыбом. Фёдор Иванович просыпался, приподнимался на локте и щелкал рычажком ночника.

– Ну чего ты шумишь? – тихо спрашивал он у пса. И сам прислушивался к далекому вою, качал головой.

Красноватый свет ночника напоминал ему свечение горящей лучины, и казалось Фёдору, что перенесся он в свое детство, во времена, когда оголодавшие за зиму волки подходили близко к деревне, и в каждом доме было ружье, а мужики старались не ездить по-одиночке, всегда собирались в город большим обозом, вооружались, брали с собой факелы...

«...баю-баюшки-баю, не ложися на краю...»

Чудился ему матушкин голос, и скрип колыбели, подвешенной на крюке к потолочной балке. И делалось ему страшно.

Сорок лет не было тут волков.

А вот надо же – вернулись.

«...придет серенький волчок, и укусит за бочок...»

– Спи, – хрипло говорил Фёдор. – Сюда они никак не доберутся.

А сам думал: ой, доберутся! дай только время...

Дюжина жилых дворов, но ружья нет ни в одном...

Утром Фёдор Иванович долго одевался, подвязывал к поясу тяжелый острый тесак в войлочных ножнах; пригладив волосы, нахлобучивал на голову облезлый, давно потерявший форму треух, надевал на валенки широкие лыжи и, подперев дверь палочкой, отправлялся в перелески за материалом. Чёрный Жук скакал рядом, хватая горячей розовой пастью искрящийся снег. Фёдор Иванович смотрел на него и думал, что собаку держать хорошо – и веселей с ней, радостней, и на душе спокойней.

* * *

Зима кончилась только в апреле – и вроде бы, в одну ночь. Вечером еще вьюга мела, а утром, глядь – отяжелевший снег просел, бревенчатые стены изб потемнели от влаги, мелкая серая морось укрыла далекий лес.

Фёдор Иванович проснулся больным – ненастье ломило кости. Он долго возился, не желая выбираться из-под ватного одеяла, но потихоньку заползающий в постель холод заставил его подняться. Он накинул на плечи фуфайку, сунул ноги в размятые валенки, вкусно зевнул – и обмер.

Между печью и диваном, там, где Жук частенько складывал свою добычу, лежало нечто темное, похожее на изломанное тельце ребенка.

Фёдор Иванович охнул.

Чёрный кобель Жук поднял голову и приветливо замахал хвостом.

– Что ж ты наделал? – застонал Фёдор Иванович. И осекся, спохватившись.

Откуда бы здесь, в глухой деревне, еще и в эту пору, взяться ребенку? Тем более, такому маленькому. Да и дом-то был заперт. Разве только на двор мог выйти Жук, недавно научившийся открывать двери лапой. На двор – но никак не на улицу.

Или же?..

– Откуда ты это приволок?

Пёс, по хозяйскому голосу чуя неладное, вжался в пол.

– Кто это?..

Нет, не ребёнок. Но, вроде бы, и не зверь.

Долго приглядывался Фёдор Иванович к задушенному кобелём созданию, не решаясь тронуть его ни рукой, ни ножом. Потом оделся, выбежал из избы. Вернулся через пять минут, таща за собой хмурого соседа.

– Вон, сам погляди, Семёныч.

С двух сторон подошли они к маленькому тельцу. Нависли над ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.